

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Куриленко Марии Викторовны

«Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Изучение литературного процесса рубежа XX–XXI веков диктует необходимость пристального внимания к творческим исканиям, жанрово-стилевым экспериментам в новейшей российской прозе. Соискатель концентрирует свое внимание на одной из тенденций, а именно: тенденции к объединению отдельных книг, циклов и романов, связанных общим пространством, героями, мотивами, в особые текстовые образования. В это актуальное русло вписывается рецензируемая диссертация Марии Викторовны Куриленко, она сосредоточена на анализе авторской стратегии мифотворчества, природы авторского мифа. Под термином «авторский миф» соискателем понимается художественный мир, построенный из «мифологических «компонентов».

Целью работы, представленной на соискание ученой степени, становится «исследование художественного мира Юрия Буйды через анализ мифопоэтики и циклообразующих механизмов его прозы (сквозных мотивов)» (с.16).

Ключевые в диссертационном сочинении понятия «мифопоэтика», «циклизация» «мотивика» понимаются исследователем как доминирующий в художественной системе писателя способ моделирования мира, пронизывающий все жанры и подчиняющий их единой концепции. В прозе Юрия Буйды таковой доминантой, или метажанровой константой, представляется гипертекст, или «текстовый кластер».

Материалом рецензируемого исследования избраны два корпуса (кластера) взаимосвязанных текстов, сосредоточенных вокруг двух

вымышленных городов – Осорьина и Чудова. Это целый ряд сборников рассказов, романов и эссе Ю. Буйды, изданных в 1990-2000-х гг.

Новизна работы М.В. Куриленко состоит в том, что в предложенном аспекте этот слой художественной литературы в российском литературоведении не рассматривался. Заслуживает поддержки избранный соискателем ученой степени подход к литературному материалу, отражающий современный уровень научного мышления.

В теоретико-методологическом плане диссертация закономерно опирается на научные труды исследователей, рассматривавших ключевые понятия «миф», «цикл», «мотив» (О.М. Фрейденберг, Е.М. Мелетинский, Я.Э. Голосовкер, М.Н. Дарвин, А.С. Янушкевич, И.В. Силантьев), а также различные аспекты феномена русского постмодернизма (И.С. Скоропанова, М.Н. Липовецкий, М.Н. Эпштейн).

В диссертации используется комплекс методов: историко-типологический, сравнительно-типологический, структурно-семиотический, мифопоэтический, мотивный, интертекстуальный анализ. Последовательно проводимый комплексный подход связан, как нам кажется, не только с главенствующей установкой, но и с личностью соискателя. В результате мы имеем серьезное теоретическое исследование, в котором прочерчена важная траектория развития русской прозы рубежа XX-XXI веков.

Несомненна практическая ценность диссертационного сочинения. Материалы исследования М.В. Куриленко могут быть использованы при чтении лекций по русской литературе, в частности спецкурса по теме диссертации. Основные положения работы апробированы на многочисленных научных конференциях, представлены в 9 публикациях (3 из них в рецензируемых изданиях) и адекватно отражены в автореферате.

Структура исследования определена его целями и задачами. Рецензируемая диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 233 наименования.

- Во **введении** (С. 3-21) обоснована актуальность темы, методологическая база диссертации, охарактеризованы объект и предмет исследования, научная новизна диссертации, сформулированы цель, задачи и положения, выносимые на защиту.

- В **первой главе – «Поэтика прозы Юрия Буйды: основные категории»** (С. 22-59) – описываются основные составляющие авторского мифа и жанровые особенности прозы Буйды, вводится понятие «текстовой кластер». Один из принципов создания мифа в творчестве Буйды – реконструкция мифологического мышления. Анализ ряда произведений писателя позволяет соискателю высказать мнение о переосмыслении Буйдой постмодернистских установок. Это означает, что в противовес постмодернистской деконструкции мира писатель последовательно и настойчиво созидает свой мир, предъявляет собственную историософскую концепцию.

Авторский миф создается из фрагментов греческой и славянской мифологии, культурной мифологии и автореминисценций. Опорами авторской конструкции становятся мифологемы Мирового древа и города-блудницы. Хронотоп и система персонажей обусловлены логикой мифа. Сохраняя мифологическую природу, герои Буйды зачастую демонстрируют нечеловеческие черты. Целостность авторского мифа строится на единстве места. Цикличное время тоже подчиняется месту («топохрон»).

Последующие главы диссертации строятся по единому плану: состав и структура кластера, объединяющий кластер локус, система персонажей.

- Во **второй главе – «Осорьинский кластер в прозе Юрия Буйды»** (С.60-91) – анализируются тексты, объединенные пространством вымышленного города Осорьина с точки зрения проблематики и поэтики. Названы тексты, связанные с городом Осорьиным, это «Птичье дерево», «Борис и Глеб», «Цейлон», «Яд и мед». Соискатель убедительно показывает, как ряд текстов выстраивается вокруг общего пространства, сквозных персонажей и скрепляется общей историософской проблематикой. Такой тип

межтекстовых связей именуется текстовым кластером: «Кластером (не настаивая на терминологическом характере этого определения) мы называем «острова» из гипертекста, «гроздь» текстов, связанных тематически и формально" (с.91). Каждый из них незримо связан с «матрицей» основного мифа, базирующегося на разветвленной, множащейся родовой основе (летописном сюжете о Борисе и Глебе) и разрастании гипертекста.

Хронотоп Осорьина тяготеет к исторически-конкретным приметам, летописным источникам, подкрепленный квазиисторическим контекстом. Все Осорьины, множество Борисов и Глебов, предстают в форме ветвистого родового древа, населяющего весь универсум – город Осорьин. Помимо локуса, персонажей, осорьинский кластер, как утверждает диссертантка, скрепляется авторской историософией, а именно: «борисоглебство» неизменно порождает приход самозванцев «как ответ пассионарной личности на пассивное жертвенное поведение».

Третья глава – «Чудовский кластер в прозе Юрия Буйды» (С. 92-120) – посвящена изучению текстов, объединенных городом Чудовым, – «Город Палачей», «Синяя кровь», «Жунгли», «Врата Жунглей», «Львы и лилии». Чудовский кластер имеет четкие приметы времени (1990-е) и места (множество подмосковных поселков), при этом тоже содержит явные признаки мифологического происхождения, что со всей очевидностью проявляется на уровне персонажей. Герои Буйды обнаруживают свою химерическую, монструозную природу: крылатые персонажи, карлики, рептилии. Тяготение к образам чудовищного, уродливого определяется соискателем как характерная черта творческого воображения современного писателя.

М. Куриленко настойчиво подчеркивает влияние эстетики Босха на поэтику текстов Буйды. Образы известных полотен возникают на страницах произведений современного автора. Но не менее важно то, как писатель актуализирует изобразительный код средневековых художников, как перенимает живописный код мастера, о чем свидетельствуют сцены и персонажи, «снятые» с босховских картин. «Босховские приметы» – это

родословная героев, корабль, аллюзивные отсылки к его картинам. Босхианские гротески, изображение грехов определяю, систему образов и стилистику описания города-блудницы.

Отдельно следует отметить анализ ономапоэтики в рецензируемой диссертации, умение показать, как в именах персонажей Буйды преломляется мифологическая логика. Значимость имени особо подчеркивается в циклах «Жунгли» и «Львы и лилии», где большая часть заглавий представлена собственными именами героев.

В четвертой главе – «Поэтика мотива в прозе Юрия Буйды» (С. 92-120) – представлены результаты исследования ключевых мотивов, формирующих межтекстовые связи в произведениях автора. Среди них макромотивы, вплетающиеся в сюжет, структурирующие многие тексты автора (мотивы греха, самозванства, близнецов, Мирового древа) и микромотивы, т.е. важные для понимания связи текстов детали (мотивы юродства, самоповреждения, лимона и лавра).

Мотив греха как наиболее репрезентативный в творчестве Ю. Буйды реализуется как мотив проклятого рода, греховной земли под властью самозваного царя. Он является сюжетообразующим и циклообразующим, можно сказать, цементирующим в обоих выделенных исследователем текстовых кластерах.

В качестве частного примера, проявляющего прежде всего свою интертекстуальную природу, диссертантка выделяет мотив лимона и лавра, присутствующий в ряде текстов чудовского кластера. Даже в перевернутом виде, как это имеет место быть в рассказе «Морвал и мономил», цитата из пушкинского «Каменного гостя» интерпретируется М. Куриленко как знак настоящего чувства, на которое способны только избранные герои.

В заключении (с. 150-158) сформулированы основные выводы работы, описан литературный контекст творчества Юрия Буйды, обозначена дальнейшая актуальная перспектива исследования связи его опытов с прозой

М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также с современниками – Д. Липскеровым, А. Королевым, В. Шаровым, А. Геласимовым, В. Сорокиным. Мы всецело солидаризируемся с утверждением соискателя о том, что «проза Юрия Буйды соответствует общей тенденции литературы модерна и постмодерна к созданию авторского мифа» при этом «имеет уникальные черты» (с.150). В рецензируемой работе на примере творчества известного современного прозаика заявлен, теоретически обоснован и апробирован оригинальный подход к проблеме формирования мегацикла (кластера), целостного авторского мифа.

С полной определенностью можно сказать, что предпринятое М.В. Куриленко исследование проблемы создания авторского мифа в новейшей русской прозе, расширяет и углубляет представления как о конкретных текстах Ю. Буйды, так и о литературном процессе в целом. Вызывает уважение корректность и четкость множественных сносок и ссылок, свидетельствующих о скрупулезном, всегда документально подтверждаемом подходе к анализируемому материалу.

Однако позволим себе заметить, что некоторые положения диссертации требуют уточнения или дополнительного комментария. 1. В ходе защиты хотелось бы услышать разъяснение о соотношении понятий «мегацикл», «гипертекст», «кластер». Можно ли их рассматривать как синонимы?

2. Второй вопрос касается раздела об интертекстуальных мотивах. Мотив лимона и лавра в рассказе «Морвал и мономил» совершенно очевидно рифмуется с другим – красоты, которую надо спасти. Более того – приведенная на с. 135 цитата из статьи Т.Г. Прохоровой прямо указывает на мотив преступления и наказания в «Осорьинских хрониках». В наибольшей степени, по нашему мнению, он проявлен в «Повести о князе Алешеньке», где Достоевский сам становится действующим лицом. В этой связи хотелось бы услышать комментарий соискателя об этой грани интертекста.

3. И последний вопрос касается не вполне убедительного разграничения понятий «документность» и «документальность».

Подведем итог.

Рецензируемая диссертация в целом является завершённой научно-квалификационной работой и соответствует требованиям ВАК Министерства образования и науки РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, в том числе требованиям пп.9, 10, 11, 12, 14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а её автор, Мария Викторовна Куриленко заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент –
Маркова Татьяна Николаевна
доктор филологических наук
по специальности 10.01.01. Русская литература
профессор, заведующий кафедрой литературы
и методики обучения литературы
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

Маркова

Сведения об организации:
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69, к.324
Телефон: +7 (351) 216-56-99
E-mail: postbox@cspu.ru
Сот.: +7 912 310 43 37

25.03.2024

Я, Маркова Татьяна Николаевна, даю согласие на включение моих персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшую обработку.

Т.Маркова

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ:
СПЕЦИАЛИСТ ОК

Степанов